

Разговоры с Дормамму

Родился в 1980 году в Красноярске. Дипломант «Илья-премии», лауреат премии Фонда им. В. П. Астафьева, лауреат премии им. И. Д. Рождественского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Континент», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Октябрь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осозание», «Латте-арт», «Пропан-бутан», «Офтоп-портрет», «Косатки». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

* * *

Воздух опрошенных,
воздух опарышей...
Жить на боксёрском снегу
пачку и маску запачкавшей барышней
я уже не могу.

Были татами,
а стали батутами –
маты на каждом шагу.
«Нехрен тут шастать непереобутыми!» –
домохозяйка – врагу.

Только затарившись
связкой товарищей,
можно идти на правёж
тварью дрожащей, но честно шагающей
в ногу,
в нагрузку,
в апож.

Воздух опрошенных
воздух ошпаренных,
пара непарных сапог...
Тэги проставлены, фотки расшарены:
амен, мой друг, и амок!

* * *

Жизнь утекает из всех отверстий,
И в дырочку – не только правый бок...

Моим стихам, клокам паршивой шерсти,
Когда-нибудь настанет свой клубок,
И всё, что было, – рельсы и распадки –
Вплетётся в чей-то свитер или шарф,
Забывший у кладбищенской оградки,
И виноватый, будто Пьер Ришар,
Я к ранкам приложу простую ватку,
Размажу стрептоцид и блендамед,
И сам себя – по маме и по факту –
Клян्या на чём не выстоит и свет,
Мол, никогда не веривший рекламам,
Потратил на херню последний фант...

Когда бы Бог существовал на самом,
Я б у него потребовал рефанд.

* * *

Любви, надежды, тихой сапы
Недолго нежил нас обман.
Исчезли юные сатрапы,
Как сон, как утренний туман.

Разбег, толчок и подыматься,
Не то, что стыдно, но смешно.
И промо-код от прокламаций
Не отличающий давно,

Я всё же верю в кундалини;
Я верю, что взойдёт она,
Звезда Полюнь, и старший Плиний
Запишет наши имена

В свою тетрадку для порядка:
История для всех одна, –
А то, что жить настолько гадко,
Конечно, не его вина.

* * *

Говорить мы не можем, поскольку
В обновлённой вселенной жнивья
Нам зажали последнюю дольку,
Предложив язычки соловья
Как замену. И мы согласились.
Соглашаться – особая статья.
И в обменниках мелос на силос
Будет скоро три тысячи к ста.

Потому и весь мир – на пружинках,
Заводной, как девица Суок,
Что уже пролетела снежинка
Над костром и дневальный Сурок
Тень свою никогда не увидит,
Апельсина уже не куснёт,
Словно старый гундосящий «видик»,
Он уйдёт из-под спуда под гнёт.

Говорить мы не будем, покуда
Встроен в шкаф речевой аппарат,
А само ожидание чуда
Превратилось в военный парад,
И подряд проползающих будней
Неменяющийся химсостав
Мы заменим рутиную трутней,
Из всего ничего не создав.

Словно килт, ненавидим и клетчат
Этот мир соловьёв и синиц,
Потому что молчанье не лечат
Ни в одной из облыжных больниц,
Потому что пробелы в помёте
Восполняют проблемами для
Тех, кого вы сегодня сомнёте,
Станет мехом родная земля.

Никакая посмертная маска,
Никакой наживной помазок
Миру больше не делают баско,
Не заводят заглохшей Суок.
И никто не встречает пророка
С обнимашками наперевес,
Потому что далёко – жестоко,
А всего беспощадней – прогресс.

* * *

Они идут по жизни по приборам,
Для верности разложенным везде.

У них и солидарность есть, и кворум,
И домострой – на каждой бересте.

Прозрачность – это происки Госдепа,
Приватность – это что-то из кино,
А если вдруг кого заела депра,
Тот сам себе дурак и мимино.

Им чёрт не брат и попадья не сваха,
Тагил им заменяет целый мир,
А порванная на груди рубаха –
В припадке сотворяемый кумир.

Метавселенной, созданной в Китае,
Уже не удивляется никто.
И грозной тенью в небесах витает
Над ними аватар торук-макто.

* * *

Мы – лёд под ногами маори...
Священное море Байкал
Вскипает от сотен апорий,
Но ангел на кончик бойка

Усядется, чтобы при слове
«Культура» схвативший наган

Звучал бы намного бредовой,
Чем рыбою бить в барабан.

Добавить бы мира картине,
Покуда летит лепесток...

Мы – льдинки в бокале мартини,
Мы – в парке залитый каток.

* * *

Ты остываешь понемногу
И скоро попросту помрёшь,
Ведь не спасают по итогу
Ни раскардаш, ни солнцеклёш.

Вглубь расхераченной пиньяты
Весь, как ДиКаприо, залез...
Но как бы ни имел коня ты,
А он всё так же смотрит в лес.

Искусство выть луне навстречу,
Кричать в Исландию насквозь

Изучено и больше нечем
Лечить всё то, что не срослось:

Ходить по Финиксу в обносках,
Писать херню в уютный чат...
Но ты не выживешь, и «Оскар»
Тебе ни вручат, ни вручат.

* * *

Весь год молчишь, как истукан, –
Кукан из челюсти торчит.
Не просто красная строка –
Невпроворот пошли ключи
От скрипок, лёгших наповал
В по-братски вырытые рвы.
Я б клеил их, расцеловал
Их сколы, трещинки и швы,
Но будто взяты на испуг
Все те, кто говорить могли.
И лишь молчание вокруг,
Рябое, как лицо земли.

* * *

...а зори тикают, словно бомбы,
И воздух, нанятый понятым,
Спешит оправдывать гекатомбы
И в небо вздёрнутые понты.

И город вздыблен, и место – лобно,
И воды шумно несут шугу,
И сны приходят ко мне подробно,
Но я в подробностях – не могу.

Нас всех тошнит. Ну, меня уж точно.
Иные присные возразят,
Что жизнь – не твиттер, не однострочна,
И однобоко судить нельзя.

Но я, глазастый, как робот Валли,
Готов принять этот мир на грудь.
Фонтан не заткнут, фонтан – завален,
Про горизонт, вообще, забудь!

Всяк искалечен, и обнимашки
Уже не каждого и спасут.
Нам остаются гадай-ромашки:
Пойдём под суд, не пойдём под суд?

* * *

Слёзы ядовиты, словно ртуть,
И стоят в глазах – припой припоем.
От житья осталась только жуть,
Так что засыпать придётся с боем.

Ну, а ты попробуй тут усни,
Раз на грудь уселась птица Сири
Посреди разрухи и грызни,
Посреди прокуренной квартиры.

Я, наверно, выйду из ума,
Мне на свежий воздух очень надо.
Закружилась зумушка-зума,
Только я – бревно в глазу торнадо.

«Как неувидительна война!» –
Говорит примат своей приматке. –
«Если вышел я из шушуна,
То усну, конечно, в плащ-палатке».

Сказка про мочилово мочал,
Драма превращается в дораму.
Я на столько сроков намолчал,
Что пришёл поговорить, Дормамму...